

А. Г. Морозова,
*ведущий библиотекарь Центральной городской
библиотеки им. П. Л. Проскурина (г. Брянск)*

Природа и человек в творчестве П. Л. Проскурина

Одной из проблем, которые волновали и, очевидно, будут волновать человечество на протяжении всех веков его существования, является проблема взаимоотношений человека и природы. О том, что человек и природа связаны неразрывными нитями, писали и говорили в прошлом веке все наши классики и философы.

Тема взаимоотношений между человеком и природой во все времена была актуальна. Она находит свое отражение в произведениях многих писателей: Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Распутина и многих других. **«Любовь к родной природе один из важнейших признаков любви к своей стране».** Это слова писателя К. Г. Паустовского, непревзойдённого мастера описания русского пейзажа.

Власть над природой дана человеку не для того, чтобы постепенно умерщвлять её, превратив в рабыню, а для того, чтобы внести разум и целесообразность в мироустройство. Однако наша промышленность порой нарушает священный естественный союз земли, воды, неба и человека. Отсюда и исходит глобальная проблема современности – экологическая. Вопросы экологии остры сегодня как никогда. Ещё острее они могут встать завтра.

В художественной литературе тема природы тесно переплетается с самобытностью человека. Природа воспевается поэтами и прозаиками, как неотъемлемая часть бытия взаимоотношений человека и природы, его восхищение красотой окружающего мира и любви к родным краям.

Не исключением стал и русский советский писатель Петр Лукич Проскурин. В его произведениях природа занимает особое место. Природа для него – не застывший пейзажный фон: она горячо реагирует на судьбы людей, события истории. Она тоже любимый герой писателя.

В автобиографической книге **«Порог любви»** он пишет: **«Самые ранние, а может, первые впечатления детства - неохватный разлив весенних и летних полей, цветущие, в высоких травах луга, ручей; за ним вставал сухой, звонкий лес».** Вспоминая детские годы, писатель неизменно отмечал свою **слитность с родной природой**: «...когда, опрокинувшись на спину,

прижавшись к сухой земле, набравшей к осени много знойного, летнего тепла, долго-долго смотришь в синее небо с высокими и редкими, кипенной белизны облаками, и они начинают неуловимо кружиться в небе. Это, возможно, и от знакомых и все-таки каждый раз новых, привольно раскинувшихся окрестностей, от той вечной тайны, что окутала их мгlistой, на погоду, сентябрьской дымкой... На юг – широченная заливная пойма, версты на три-четыре окаймленная по горизонту белыми меловыми холмами; после снежных зим она покрывается водой; Спасский монастырь, окруженный высокой, характерной, похожей на кремлевскую, стеной, словно бы случайно брошен и забыт среди этих удивительных раздолий, а к югу – через глубокую, широкую и почти отвесную промоину в земле – основной город, с его церквями, соборами и монастырями. («Порог любви»).

На формирование творческого лица П.Л. Проскурина во многом повлияли годы его работы на самом «краю земли», на Камчатке и Дальнем Востоке, куда он уехал по вербовке, после службы в армии. Впоследствии он вспоминал: «Трудно сказать, состоялся бы я как писатель, если бы не эти годы на Камчатке. Впечатления эти отложились в глубинах сердца и памяти, затем обрели конкретные формы».

В разных районах, от Камчатки до Хабаровского края, он и проработал три с половиной года – лесорубом, сплавщиком леса, шофером, плотником. Пылкое юношеское воображение, искавшее жизненной опоры в своем «полете», пробуждающийся талант художника неожиданно обрели в Камчатке, в сопках Приамурья, в порожистых реках, близком океане, нелегком, граничащем с подвигом труде рабочих желанную «фактуру», достоверный фон.

«Как-то мы остановились на ночь у невысокой безымянной сопки, и, пока суть да дело, четверо из нас решили взобраться наверх, посмотреть. Таких звучных красок, как в тот раз, я уже больше не встречал. В той стороне, где стояла вечерняя заря, дымил вулкан, и дым его тяжелой, расплавленной тучей стоял неподвижно, он-то и придавал всем другим краскам особое свечение, и все было настолько прозрачно, что угадывались и казались издали необычайно хрупкими небольшие изломы сопки. Представляете, тончайший малиновый, розовый, лимонный, темно-красный цвета и черные снизу, четкие громады сопки со всех сторон. И тишина, совершенно фантастическая тишина. Того и гляди появится какое-нибудь сказочное, неземное совершенно существо» («Страницы автобиографии»).

Простор внешний, простор, так сказать, «пространственный» – одно из неперемных условий жизнедеятельности проскуринских героев, вообще условие движения их мысли. Петр Проскурин, создатель романов большого размаха.

В творчестве нашего земляка мы можем найти немало проникновенных строк о природе, как родного края, так и тех мест, где ему пришлось побывать. Но он **никогда не изображает природу саму по себе**: его всегда интересует сложное **взаимодействие человека и природы, их противостояние и соединение**.

Будущий автор «Судьбы», мастер многопланового сюжетного повествования, сталкивающий героев с непознанными еще силами в мире, в собственном существе, угадывается и в первом романе. Роман начинается с внезапного вторжения бури, грозы невиданной силы в тихий летний сон городка. Это начало станет излюбленным, и «Судьба» откроется, как прологом, обещанием множества бурь, **яркой картиной грозы**. В «Глубоких ранах» внезапность «набега» грозы, правда, отчасти смягчена. Писатель уловил **в природе состояние, которое он определяет как «томление»**. Это определение относится и к природе, и к человеческой душе. **«Ветер стих. Почти осязаемое томление наполнило воздух. Смутное беспокойство чувствовалось во всем: и в необычно оживленном поведении детей, и в безветренной тишине воздуха, и в тяжеловато-жарком сиянии солнца»**.

А далее – **гроза**, одна из множества гроз в романах писателя! Гроза, подлинная вселенская катастрофа, развяжет многие сюжетные узелки в романе **«Корни обнажаются в бурю»**, в повести **«Тихий-тихий звон»**. С картины грозы, с изображения мук безвестной крестьянки, разрешающейся от бремени в грозовую ночь в темном лесу, начинается «Судьба». Среди той суммы приемов письма, которую накопил Петр Проскурин, искусство создания таких картин, когда герои ощущают присутствие в мире чего-то не покоренного ими, совсем не «прирученного», одно из заметных «слагаемых». И нельзя не запомнить многие проскуринские «грозы», «бури», подлинные драмы в мире природы! **Гроза в романе «Глубокие раны» одухотворенная, кажущаяся сплошным «диалогом» с человечеством**. Она полна угроз, предупреждений. **«Туча раскололась, сверху донизу пробежала извилисто-огненная трещина, и первый раскат грома с шипением и грохотом рухнул на город. Земля негодующе вздрогнула... На ошеломленный город обрушились потоки воды; не успевая уходить через канализационные решетки, взлохмаченная и стремительная, вода заливала улицы во всю их ширину. Свинцовой грудью небо навалилось на город; будто сказочный великан сек эту грудь**

огненной плетью, сек яростно и беспощадно. Потоки воды, нащупав в теле земли слабые места, начали разрушительную работу. За час образовались овраги, которые останутся на десятилетия».

Петр Проскурин, не упуская из виду частностей индивидуального поведения, постоянно обращает внимание на новые моменты в жизни народного сознания. Страна, как океан в бурю, меняла свое лицо, но, сколько оттенков имели эти перемены! **«Могучей рекой в половодье жизнь вышла из своих обычных берегов. Закружились страшные водовороты, втягивая в пучину войны с каждой новой минутой десятки, сотни и тысячи людей».**

Вероятно, в жизни каждого художника можно отыскать мгновения особых, возвышенных радостей, когда праздное созерцание «текущей», как говорят, жизни сменяется чем-то похожим на прозрение.

Были такие мгновения и в период жизни Петра Проскурина на Камчатке, Дальнем Востоке. Только связаны они были не с звездной книгой и отнюдь не с магическим состоянием духа, а с простейшим, на первый взгляд, созерцанием хода кеты на нерест.

«Рыбы с загнувшимися челюстями, горбатые, с обтрепанными хвостами, рыли ямки с необычным упорством и терпением. Они шевелили песок и гальку носами, помогали себе плавниками, извивались из последних сил всем телом, колотили о дно хвостом, ложились на бок и бились о дно всем телом, и опять начинали раздвигать песок и гальку все в одном и том же месте носом. И когда все было готово, в углубление на дне откладывалась розоватым бисером икра, вспыхивало облачко молок, и рыбы начинали теперь уже нагребать на оплодотворенную икру песок и гальку... обессиленные, еле шевеля плавниками и хвостом, они становились на караул, каждая у своего бугорка; они неумолимо засыпали, уходили из жизни, но до самого последнего конца продолжали держаться у гнезда своего будущего потомства».

Великие пути проходятся иногда малыми и неспешными шажками... Эти камчатские рыбы, существа более чем смертные, предельно уязвимые, сохраняют свое существование не тем, что пребывают в застылом, неизменном состоянии, а тем, что все стареющее в их среде оставляет после себя другое, юное и подобное себе.

Подобные впечатления – а их было немало – не оставались бесследными. Они определили повышенный интерес Петра Проскурина к движущим силам

множества явлений, смысла жизни, логики поведения различных людей. **Человек – часть природы**, и одновременно он существо **историческое**, сформированное воздействиями, которых, конечно, не знают эти косяки рыб, стаи птиц... **Но почему, почему, словно пробуждая самую древнюю память, так воздействует на человека и трагически напряженная борьба за потомство кеты в камчатской речке, и крик отлетающих журавлей? Воздействует как зов вершин, недостижимых и манящих?**

Глядя на **клин улетающих журавлей**, Петр Проскурин вновь, как и в час **нереста кеты**, ощутил присутствие в жизни закономерностей, из которых люди как будто напрочь выпали, но которые все же не вполне забыли, порой даже смутно припоминают: **«Скоро они снимутся по тяжкому, неслышному зову, взлетят, и их уже нельзя будет остановить, будут по мути гибнуть, обессилевшие, и будет идти все тот же круговорот древних законов и движение земли и воды, и воздушные потоки будут упруго обтекать стремительные тела птиц; они пролетят над границами и постами и будут свято блюсти раз и навсегда установленные пути, и люди будут прислушиваться к ним, с непонятной грустью провожать их глазами. Неосознанные и тревожные, в их крови тоже проснутся, прозвучат голоса давно ушедших поколений».**

В **60-е годы** еще не звучала столь остро тревога по поводу необратимых **дисгармоний** в отношении **человечества и природы**. И проблемы **экологии** не были на устах у всех. Вопрос о том, что мы оставляем потомству полуразоренный климат планеты, оставляем всю её, к тому же сплошь заминированную, в состоянии затяжного недуга, так остро, как сейчас, не стоял. Но Север, где как-то очевиднее, нагляднее были мудрые законы равновесия утрат и возобновлений, уже ставил перед совестью и нравственным чувством писателя вопрос: как же человеку «вписаться» в этот жизнеоборот, не выскакивать из той экологической ниши, которая отведена ему весьма терпимой и щедрой природой? Ведь она, эта ниша, просторна и без расширения ее за счет жизни иных существ.

И первый роман **«Глубокие раны»**, и многие рассказы Петр Проскурин писал по ночам в тех же бараках, где жили его товарищи по работе... Доносился стук движка, дававшего освещение поселку лесорубов, в занавешенное и часто заледеневшее окно среди ночи вдруг упирался плотный пучок света – по улице проходила, пробивая тьму светом фар, грузовая машина. Молодому писателю не нужно было писать в гостиницах, железнодорожных вагонах, кафе, как это делают, чтобы не попасть во власть надуманных образов, чтобы, услышав

живую реплику, вновь найти правильную меру радости и горя, иные писатели. Власть выдуманных образов, границы путешествий в воспоминаниях корректировались в его сознании уроками самой жизни.

Картины нереста, иногда грубо, варварски нарушенного завалами бревен на реках, сказочные образы великих кочевий птиц не уходили из памяти. Ведь, выбивая те или иные существа, живущие в отведенных им экологических нишах, отнимая у них пути существования, одно ныне живущее поколение людей грабит будущее, разрушает условия существования на земле.

Очень скоро молодому писателю стало ясно, что Север не может уже быть – как это было в рассказе «Цена хлеба» – только фоном для воспоминаний, рассказов о войне. К тому же и люди, окружавшие молодого писателя на Севере, были в те годы исключительно интересны. **«Север... особенно богат на всякое человеческое разнообразие, это ведь край неоткрытых богатств, нехоженых троп, историческое средоточие сильных характеров. Многие искали здесь спасения от житейских бед, забвения от истощивших душу неурядиц и неудач, сюда издавна спешили за славой и богатством, несли избыток силы и надежд».**

Роман **«Корни обнажаются в бурю»** – первое обращение писателя к остродраматическому материалу современности – и стал средоточием множества характеров, ищущих, подобно самому автору, высшего смысла своего существования, жаждущих понимания тех таинственных законов жизни океана, рек.

Значительную часть оценок, суждений о жизни, вообще социально-нравственной проблематики Петр Проскурин связал с молодым героем романа, вчерашним десятиклассником **Сашей Архиповым**. Ему предстояло – и это труднее всего – «вписаться» в жизнь взрослых людей, прошедших войну, уразуметь те еще скрытые для него нравственные устои, которые скрепляли народ, делали его сильным и вечным в час катастроф и испытаний. Именно он, ощущая себя посторонним, не приобщенным ни к судьбе народа, ни к жизни природы, и видит вначале экзотическую картину Камчатки, жизнь равнодушной природы, способной, дразня воображение, «красою вечно сиять».

«Перед ним разгорался закат, охватывая бугристые сопки, уходившие во все стороны выше и выше, самые дальние и высокие были в снегу. Справа парили гейзеры, по всей долине, рассекая тайгу, виднелись бесчисленные темные ленты проток. Краски вечера легли на долину, серый цвет у

подножий сопок светлел к вершинам, сменялся веселым ликованием огня, и парившие гейзеры казались затухавшими кострами; ветренное небо раздвигало горизонты, и Александр в этой дикости, какой-то бесстыдной обнаженности невольно чувствовал себя лишним и даже убогим, его подавляли тишина, простор, необычные, почти звучащие контрасты красок, он совершенно забыл о Васильеве, наблюдая, как... мягкий покой ощутимо оседает вокруг и тишина становится все прозрачнее и звонче».

Герой Петра Проскурина необычайно остро ощущает **нравственные обязательства человека перед природой**, долг перед теми же лесами как одной из основ бытия человека на земле. Не раз сжимается его сердце в сомнении: а не жертвуем ли мы слишком многим ради краткой, однообразной выгоды? Дела «текущие», мысли и чувства тоже сплошь текущие, а где «остающиеся» дела поступки, помыслы? Сейчас многое стало сложнее. И не только потому, что сами леса отодвинулись, ушли от поселка. Выросло поколение, которое ищет не просто высокого заработка, а одновременно и **сохранения природы, уверенности, что вечными будут красота и богатство природы.**

Саша Головин упорно ищет новую формулу, выражающую смысл его труда и жизни, формулу, далекую и от волевого «покорения» природы, и от пассивных вздыханий по поводу ее оскудения. Про себя он думает: **«Здесь родилась и мечта, и казалось, на всю жизнь, иногда он закрывал глаза и видел широкие, удобные дороги, светлые, просторные поселки лесорубов, окультуренную тайгу».** Но многим даже эта скромная мечта кажется всего лишь абстракцией, отрывом от жизни!

Головин тоже гонец из будущего. Об **экологии** как науке многие герои романа – лесорубы, шоферы, учетчики, – конечно, еще мало знают. Глухие споры в дирекции, в парткоме, в Москве, в которые втянуты и Головин, и его оппонент Почкин, не всем ясны. И рабочая масса порой готова скорее понять того же всецело земного Почкина! Такова судьба всякого гонца из будущего.

Головин говорит часто на сложном языке научного прогноза: **«Как можно не понимать теперь, что лес – это влажный устойчивый климат... плодородие почв, неиссякаемость рек, здоровье и настоящих, и будущих поколений? Ведь деревце, посаженное или сохраненное отцом, – лучший подарок сыну, живой и вечный друг».** Роман **«Корни обнажаются в бурю»** – преддверие новых открытий писателя.

Следует сказать, что начало 60-х годов, когда 32-летний Петр Проскурин уже учился в Москве, на Высших литературных курсах, был для него периодом упорного самообразования. Физическая картина мира менялась стремительно, в нее вносились новые великие и основополагающие законы, действующие совместно с ранее открытыми. Впрочем, не следует преувеличивать процесс воздействия научно-технической революции на направление художественного поиска разных писателей. В это время большой импульс получила и **деревенская проза**, зазвучали впервые **мотивы «последнего поклона» уходящей деревне**, мотивы «последнего срока» ее жизни.

Петр Проскурин усвоил, вероятнее всего, из всех воздействий дух странного беспокойства, напряженности бытия. Он ощутил, что **современный человек еще плохо знает природу развиваемых им сил цивилизации**. Смирить этих злых демонов прогресса, **устранить опасности загрязнения планеты, гибели почв, лесов**, в частности, могут лишь герои, освободившие себя от узости эгоистического кругозора, ведомственной самоуверенности.

Судьба земли, судьба народа – это в некотором смысле пространственно-временная непрерывность, сложное течение энергий, идей. В ней нет пространств или отрезков времени, «замкнутых» от будущего или прошлого. И сейчас как никогда остро человечество нуждается в людях, освободивших себя от узости, одномерности взглядов, способных жить и мыслить на уровне судеб народных, тревожиться о красоте времен грядущих.

Не отвергая саму идею самопожертвования, приближения будущего всеми силами личности и народа, нельзя превращать в закономерность, в привычку нравы, при которых именно гибелью красоты, жертвами со стороны **природы** достигается важная цель. Жертва, гибель прекрасного не может стать привычной, не может гармонично вливаться в течение народной жизни. И тем более она не может быть каждый раз «палочкой-выручалочкой» безответственного, неразумного хозяйственника. К трагедии не привыкают, это «горячее» средство истории, а постоянное принесение в жертву, вошедшее в привычку, – это свидетельство слабости человечества, симптом «воспалительного» процесса, изнуряющего его.

Следующий роман, **«Горькие травы»** – это сложный по эмоциональному строю, по «перевитости» трагических и оптимистических тем, мелодий событий войны, подвигов и страданий. «Эхо войны» по-разному врывается в душевный мир многих героев, само послевоенное время изображено П. Проскуриным во всей его переломности, сложности. В характерах героев

совмещено множество разноплановых ощущений, сами эти характеры образованы, как алмаз, сильнейшими «сжатиями», ударами горных пород.

Особенно сложными были в этом плане первая послевоенная весна, трудное лето. Вся страна переживала действительно сложное, мучительно-тревожное состояние. Глубокий вздох облегчения в час Победы – победили, выстояли. Спадает то напряжение, оцепенение тревоги, в котором годами жили, не замечая в силу этого даже ран, боли. Спадает напряжение – и раны эти у многих резко напоминали о себе.

Стихийная работа людской доброты и чуткости, врачующей все раны, сознательное творчество жизни, протекающей на уровне инстинкта – заботы матерей о детях калеках, похожи в известном смысле на **труд природы**, тоже **«заглаживающей» раны полей, лесов, по которым прошла страшная колесница войны**. И нельзя сетовать на то, что равнодушная природа не разделяет с людьми кое-каких заблуждений, жестокостей, продолжая беспечно **«красою вечно сиять»**. **Отшумели бои, и вот уже ожило израненное дерево, травка выросла на выброшенной взрывом земле, исчезли оцепенелость и испуг аиста, кружившего над незнакомым ему пепелищем, и он вновь свил гнездо.** («Горькие травы»)

Петр Проскурин с глубоким уважением воспроизводит все мельчайшие микродвижения в глубинах народной жизни, он любит весь процесс возрождения и самоспасения деревни, вереницу дел по велению инстинктов, самых древних, изначальных.

В **«Горьких травах»** писатель решительно и с глубокой убежденностью утверждает мысль о том, что **надо жить не над землей, не над народом, а идти «путем зерна», умирая и возрождаясь в ней, что земля учит человека величию**.

В произведениях Петра Проскурина тесным образом переплетаются состояние человека и картины природы. Все тяжести, страдания герою помогают преодолеть гармония с природой. Человек должен возвращаться к своим истокам, что бы ни произошло в его судьбе.

В романе **«Исход»** весенний **«зеленый шум»**, треск почек, трепет первых **листочков** оживает в памяти Скворцова в застенке, после страшных избиений. Скворцов вначале с трудом заставляет себя просто вспомнить о том, что **«в лесу сейчас зелено-зелено»**. Затем, уже не насильственно, он **«жил в зеленом дыму»**, и это ему помогало. **«Я сошел с ума, – говорил он себе иногда,**

вслушиваясь в зеленый шорох листьев - но ничего, пока со мной лес, ничего». Зов леса – зов вершин будущей жизни народа, не подвластной врагу. Природа спасает человека даже в страшные годы войны.

Анализ произведений П.Л. Проскурина подтверждает тот факт, что писателя интересует **природа** не сама по себе, **а в тесной связи с человеком.**

Так, в повести **«Тихий-тихий звон»**, Сергей Тюрин видит нерестилище кеты, сокровенное место, где также зарождается жизнь, и впервые обнаруживает там **не хаос и бессмысленность, а простой и мудрый порядок**, видит стихийное самопожертвование и исполнение долга. **«Что и как бы я ни подумал об этих рыбах, им наплевать, они выполнили свое, раз и навсегда им заказаны свои пути, и они никогда не свернут с них, сколько угодно можно иронизировать, ничто не изменится в этой не зависимой ни от кого жизни. Наконец, я отрываю глаза от воды и как-то сразу понимаю, что никуда не уйду от этой реки с таким звучным названием Игрень, не смогу уйти»**, – этим наивным, но чистым нравственным обязательством, данным самому себе, начинает утро своей зрелости герой Петра Проскурина.

Этот вывод, освещающий жизнь молодого героя, – словно искра от высокого костра. Он будет даже спорить с другими, входить в сложные отношения с людьми, созидая себя и свою судьбу, но это будет уже жизнь, а не скольжение по ней.

Нравственный фундамент личности интересует Петра Проскурина во всех спорах, стычках героев. Но он, этот фундамент, «нулевой цикл», скрыт часто и здесь. Современный художник испытывает особые трудности, обращаясь ко множеству героев, ведущих напряженную борьбу в суровых условиях Севера, **на стыке двух стихий: еще неосвоенной, необжитой природы и «второй природы»**, в виде могучих машин, агрегатов, средств связи, созданных всецело человеком.

Так, в повести **«Тайга»**, написанной на материале камчатских впечатлений, Петр Проскурин исследует необычный конфликт двух новоявленных северян, пришельцев, доходящих в кульминационный момент борьбы чуть ли не до прямого поединка, до схватки силы с силой.

«Все началось с того, что в диких, малоисследованных Медвежьих сопках исчез почтовый самолет с трехмесячной зарплатой рабочих леспромхозов, звероводческих совхозов... и весть эта быстро распространилась по всей округе на сотни километров. Горный массив, захвативший сотни безлюдных

квадратных километров, дикие, неприступные скалистые ущелья, распадки и склоны; тайга, заваленная вековым буреломом, метровыми снегами удивительной голубоватой чистоты, бездонные провалы, скрытые под той же слепящей и, казалось бы, совершенно безопасной белизной, в которой каждая черточка осыпавшейся хвои слепит и радует – все-таки что-то живое, понятное, просто земное, тогда как эта сверхъестественная белизна была откуда-то из-за той грани, которую никогда не переступает живой человек, и живой зверь, и даже живая трава».

Их двое. Молодой рабочий Иван Рогачев, осознающий свою жизнь, труд, радости и заботы как полноценное, человечески значительное бытие, сталкивается в глухих таежных местах с бухгалтером Горяевым, в котором индивидуализм, жажда самоустройства получили самое крайнее, резкое выражение.

Внезапно вспыхнувший поединок двух идей жизни, двух мировоззрений вновь оборван, «не досказан» до финала. Писатель и не стремился досказывать все и завершать повесть утешительным назиданием.

В повести «Тайга» просматривается актуальная во все времена идея превосходства добра над злом, света над тьмой. В ходе истории наблюдается заметное внутреннее изменение главного героя, от импульсивности и эмоциональности в сторону взвешенности и рассудительности. Умеренное внимание деталям в тексте, создало довольно четкую картину, и в тоже время не лишило читателя места для его личного воображения. Отличный образец, сочетающий в себе необычную пропорцию чувственности, реалистичности и сказочности. Не остаются без внимания и сквозные образы, появляясь в разных местах текста, они великолепно гармонируют с основной линией. Захватывающая тайна, неоднозначность фактов и парадоксальность ощущений были гениально вплетены в эту историю. Умелое и красочное иллюстрирование природы, мест событий часто завораживает своей непередаваемой красотой и очарованием.

«Рогачев глубоко и растроганно вздохнул и, свернув с дороги, приладил лыжи, перед ним стояла снежная тайга, без конца и края, начинался звонкий от мороза февральский день, и солнце косо скользило по верхушкам самых высоких деревьев; Рогачев шел легко и свободно, плотно слежавшийся к концу зимы снег хорошо держал его и лишь изредка проседал под лыжней; все мысли отошли от него, и он весь отдался свободному непрерывному движению, белой, оглушительной

тишине; по-прежнему не было ни малейшего шевеления воздуха, и старые, высокие ели стояли часто, голые в полствола, почти совершенно закрывая небо. Часа через два он минул эту полосу, и начался лиственный лес, теперь уже с елями вперемежку, и сразу стал чувствоваться некрутой, непрерывный подъем, и небо посветлело и раздвинулось, голубое молодое сияние ударило в глаза, такое небо всегда бывает в конце февраля. Вскоре и ветер потянул со стороны сопки, безмолвно поднявших свои острые вершины, сиявшие впереди нестерпимой белизной».

Обратите внимание, как процессы, происходящие в природе, перекликаются с ощущения главного героя. **«Мороз к вечеру усилился, и встречный ветер жег, сопки на западе, охваченные предзакатным огнем, горели в таком ожесточенном холоде, что Рогачев нет-нет да и поглядывал на них украдкой, чем-то смутно встревоженный».**

Или вот это виртуозное описание женщины, отражающее её внутреннюю природную самость: **«Хозяйка, в годах, крепкая, она напоминала Рогачеву кряжистую здоровую березу ранней осенью, когда листья на ней все еще целы и еще все зеленые, даже темноватые кое-где от избытка сил, только вот именно этот оттенок избытка и наводит на грустные мысли о зиме».**

Повесть написана настолько увлекательно и живо, что все картины запоминаются надолго, и даже спустя довольно долгое время, моментально вспоминаются. На развязку возложена огромная миссия, и она не разочаровывает, а наоборот дает возможность для дальнейших размышлений.

Повесть **«Тайга»** стала своеобразным катализатором творчества Проскурина в его работе над большим романом **«Судьба»**, ставшим началом трилогии. В книге **«Порог любви»** автор рассказывает: **«За месяц я написал повесть «Тайга» о пропавших в сопках миллионах; когда поставил последнюю точку в повести, сразу пришло и завершение «Судьбы»; многие узлы и ситуации романа стали на свои места естественно и просто, и я только недоумевал, как этого не видел раньше».**

«Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы». Эта мысль Карла Маркса многое объясняет и в современном обращении писателей к теме жизни

деревни в 30-е и 40-е годы. И в частности – решительный поворот к ней Петра Проскурина в многоплановых романах «Судьба» (1973) и «Имя твое» (1977).

Бесспорно, многие писатели – и Петр Проскурин в «Судьбе» – еще не ставили прямо вопроса об **экологизации** человеческих потребностей, **экологизации** массового сознания, как говорят философы, – это потребовало бы от них решительного раздвижения рамок повествования. Приучать человечество к отказу от целого ряда «излишних» потребностей, к моральному отношению к природе как всеобщему и уже ограниченному достоянию – задача слишком трудная для романа о деревне. Но часть задач этой **экологизации** сознания, этот роман, безусловно, взял на себя. И его расцвет в известной мере был связан, в том числе, и с богатством зримых, чрезвычайно живописных подробностей жизни героев, поглощенных природой, землей. Одновременно и послушных ей, и мягко «покоряющих» ее в трудах.

Что касается романа «Имя твое», то он буквально пронизан мыслью о гармонии **человека и природы**. Петр Проскурин – **вдохновенный певец русской природы, русской земли, которую он как бы одушевляет, изображает ее символом народной жизнестойкости, красоты и мудрости**. Не случайно роман открывается ярким пейзажем, в котором чувствуется что-то сказочное: Аленка купается в росе на Чертовом кургане, что по старинному поверью, должно принести ей счастье.

«Большая, уходящая к реке поляна была окружена старыми, свесившими ветви до самой земли березами и покрыта крупными лесными ромашками в мелкой алмазной росе; с каким-то боязливым восхищением Аленка осторожно прикоснулась к зеленому, суставчатому стебельку; на нем, слегка пригнувшись, красовался белый, как кипень, глазастый цветок. **Со всех сторон слышались птичьи голоса, тиликанье синиц, нежный перезвон жаворонков, звонкоголосые трели иволги и еще какие-то чмокающие звуки; их природу Аленка определить не могла. Оторвавшись от ромашек, Аленка прислушалась, она сейчас была в огромном мире, и это было непривычно и странно; как она ни крепилась, глаза ее наполнялись слезами.**

С наслаждением ступая босыми ногами в мягкой, шелковистой траве и стараясь не задевать ромашки, Аленка шла цветущей, сверкающей поляной; для нее сейчас не было ни мужа, ни родных, вообще не было людей, была лишь одна она и лес – чуткий, добрый, сказочный, беспредельный, способный вместить в себя все от начала до конца.

Томительный жар прихлынул, разгорелся во всем теле от этого странного первобытного желания сорвать с себя одежду и поваляться на росной, прохладной траве. Птицы были не в счет; хрустальная, прозрачная тишина заполняла мир; березы свесились в зеленых, ниспадающих с них потоках листвы до самой земли.

Не доходя до стены берез, она остановилась, пораженная мыслью, что кружила на одном месте и, оказывается, не сдвинулась ни на шаг. **Трава у края поляны поднималась все выше, доставала ей теперь до груди; солнце только-только показалось в небе, выплыло из-за далекого горизонта, и вершины берез, пронизанные его первыми, острыми, стремительными лучами, словно в один момент вспыхнули внутренним трепетным огнем, превращаясь в радостную, волшебную сказку из непрерывно меняющих свои очертания, каких-то таинственных, неведомых, призрачных городов и замков, хребтов неведомых гор и заполненных разреженными голубоватыми туманами провалов. Молочная, ставшая от солнца седой роса покрывала траву густо, концы листьев и стеблей под ее тяжестью свесились до земли;** Аленка заморожено молчала. «Что это такое?» – подумала она, не в силах долее сдерживаться, чувствуя властный, непреодолимый зов этого сверкающего мира; чтобы добраться до берез, нужно было пройти море отяжелевшей от росы высокой травы. «Вымокну до нитки», – радостно решила она: и, подчиняясь давешнему желанию, разделась донага и, свернув одежду в узел, подняла ее повыше и, ахнув от наслаждения, пошла, сразу скрывшись в траве чуть ли не с головой. **Прохладная роса обожгла тело;** Аленка, еще раз ахнув, тихо, возбужденно засмеялась, крепко зажмурилась и зарыла в траву лицо. **Запах травы был свеж, почти неуловим, но он тотчас проник всюду, и во рту появилось ощущение свежей зеленой прохлады.** Она пошла дальше, уже не опасаясь, и с каждым шагом на нее обрушивался **новый росный дождь, роса скатывалась с нее ручьями.** В теле появилось тоже что-то тугое, звериное; Аленке теперь казалось, что она не идет, а летит, **летит вместе с травой, с лесом, вместе с землей и солнцем,** и это ощущение полета, какой-то немереной высоты было столь явственно, что она затаила дыхание, ей показалось, **что поток встречного ветра бьет ей в лицо и грудь.** Она выбежала к березам, **речка сонно поблескивала в низких травянистых берегах; вода слегка парила, дымилась, и березы, росшие по обоим ее берегам, почти свешивались к самой воде, отражаясь в ней солнечными, дымящимися зелеными купами.** «Красота, красота какая, – подумала Аленка, – я же совсем все это забыла».

Под водой был свой мир, свой строгий порядок; на середине реки, где уже лежала густая полоса солнца и под водой было светло и празднично, тихое течение замечалось по еле-еле шевелившимся верхушкам водяных трав, а, когда она приближалась к затененному берегу, свет и под водой менялся, между полускрытыми слоем ила корягами чудились глубокие провалы, заполненные тьмой и тайнами.

Подождав, чтобы вода успокоилась, Аленка опять стала присматриваться и увидела широко разметавшийся куст водорослей с длинными узкими листьями, в нем сновали мелкие серебристые рыбки; их движение было похоже на затейливый танец. Солнце стояло уже высоко, и Аленка поняла, что проспала несколько часов. В лесу поднялся слабый ветер; чуткие вершины берез были как бы слегка завернуты в одну сторону, лес тихо и дружно гудел. Сейчас Аленка верила, что деревья и трава имеют глаза, и уши, и душу; она забралась под старую березу, в зелень ее листвы, свесившейся и перепутавшейся с травой; ее белое, слегка прихваченное солнцем тело сверкало в зеленых, струящихся под ветром потоках. Она перебежала к другой березе; да, теперь она была уверена, что эти белоствольные, с черными, многочисленными глазками деревья все видят и все чувствуют, но ей нечего было скрывать, нечего бояться; листва берез, теплыми, уже нагретыми потоками стекая по ее телу, ласкалась, щекотала кожу; и в душе у нее по-прежнему происходило необъяснимое зеленое и солнечное таинство, словно она сама сейчас переставала быть человеком, а растворялась в этом зеленом буйстве, незаметно, исподволь переливалась в душу леса. Какой-то теплый, сладостный ток установился между нею и шелестящей, сверкающей вокруг зеленью; и она уже не чувствует себя, и уже вся куда-то переносится, вот уже смотрит в мир, и все видит из тела дерева, и все видит по-иному. «Как интересно, боже мой, как страшно», – сказала она и потекла уже куда-то вниз, к корням, в таинственные глубины земли, и ей действительно стало страшно, и она заставила себя выбежать из-под березы на солнце, на открытое пространство; ей показалось, что в последний момент **зеленые льющисея потоки листвы**, словно пытаеься удержать, метнулись следом».

В дальнейшем сюжетном развитии этот мотив природы усиливается в тех местах, где звучат образно-характерологические переключки. Остановлюсь на переключке между образами Аленки и ее отца Захара Дерюгина, которые являются важными идейными центрами произведения. Аленка – «из дерюгинской породы», такая же неистовая, страстная, мятущаяся натура, как

Захар. **Общность** их черт сопровождается и **образом-символом природы**. Так, в трудный час разрыва с Игорем Хатунцевым перед ее мысленным взором встает **образ леса**. Вот их диалог: «**Лес живой, - говорит Аленка. – У него душа есть, мохнатая и очень добрая... И люди, не все, правда, знают эту душу, не все допущены к ней... Но те, кто допущен, сами обязательно добрые и мудрые... Они знают закон жизни...**

– А ты?

– Что я?

– Ты допущена?

– Я нет, мне нельзя, – не сразу призналась Аленка, закрывая глаза и почти воочию, мучительно реально представляя себе **старый осенний лес с шуршанием листьев под ногами, с ощущением присутствия в каждом дереве, в каждом кусте чего-то всепонимающего живого, какой-то бесконечно доброй и беззащитной души**». И далее: «**Аленка снова видела себя в лесу, но теперь не в осеннем, ярком, а в густом, напряженном, налитом угрожающей, темной силой весны, силой предродового томления, и была он в этом лесу как слабый отзвук чего-то ненужного, как мимолетная, ежесекундно исчезающая тень; ей захотелось забиться в густую прохладную траву, в самые корни, и остаться там, может быть, навсегда**».

И Захар в романе «**Имя твое**» внутренне столь же **тесно связан с природой**. Спасаясь от преследования после побега из концлагеря, почти умирающий, он чувствует **животворную силу родной земли**, которая одна только и могла защитить его от страданий и гибели. И в другом месте, узнав о том, что второй его сын Вася оказался на самом деле сыном его лютого врага Макашина, он обретает в себе жизненные силы и единоборстве с таежным **великаном-кедром**.

Символ природы связан у П. Проскурина в романе и с фигурой Брюханова. В данном случае это тоже образ леса, но в нем для Брюханова заложено нечто таинственное и даже враждебное, ревность к прошлому. «А если она до сих пор любит того... уже не существующего», – думает Брюханов об Аленке и Алеше Сокольцеве. «**Но он-то до сих пор здесь, в этом лесном сумраке, стоило тебе ступить сюда, в зеленый мрак, и настоящий хозяин тут же отыскался**». «**Он больше не мог оставаться наедине с этим сумраком и с этим третьим и, едва сдерживаясь, чтобы не ускорить шаги, все время чувствовал за**

спиной тот же долгий, неотпускающий взгляд, как будто им же самим разбуженная душа леса теперь неотступно следила за ним...»

Образ-символ природы объединяет не только основные сюжетные линии, связанные с судьбами главных героев – Аленки, Брюханова, Захара Дерюгина, Мани Поливановой, Федора Макашина и других центральных или второстепенных персонажей. Он объединяет два важнейших идейных и сюжетных центра, определяющих проблематику проскуринского романа, его драматизм и актуальность. Эти центры, как уже говорилось, включают в себя основные сферы деятельности и общественной, и личной жизни людей в послевоенные годы.

Во вторую часть своей трилогии писатель ввел проблематику, связанную с наукой, научно-техническим прогрессом, освоением космоса и разработкой новых видов оборонного оружия. Эту сферу П. Проскурин не отрывает от показа широкого, многогранного народного бытия. Он все время подчеркивает, что **никакой, даже самый высокий уровень развития науки и техники невозможен без коренной, кровной связи с народной почвой, с нелегким крестьянским трудом.** Эту мысль проясняют в романе яркие **образы-символы природы.** Один из них – изображение на фоне строящегося атомного полигона старого карагача: **«Старый карагач, исхлестанный за долгие десятилетия стремительными, частыми буранами, жадно вытягивающий цепкими корнями скудную влагу на большой глубине, и в эту весну, как обычно к теплу, покрылся мелкими неяркими цветами. Они напоминали густо пробившиеся сквозь золу полузатухшие угли; именно эти угасающие цветы указывали на исполинскую силу выживаемости природы... Он был стар, совершенно голый, без листьев, весь оплетенный вздувшимися древесными венами, он таил в себе какой-то вызов».**

Итак, **природа** в романе **«Имя твое»** не фон, не антураж, а яркий, значимый образ, символ нелегкой, но такой богатой и бессмертной народной судьбы.

Так, художник Сева Ростовцев, желая сказать о катастрофически-убыстренном, противоречивом существовании человека в современном мире, в споре с академиком Лапиным и директором завода Чубаревым говорит о главном для себя в мире так: **«Гармония, заложенная в самой природе. Понимаешь, для меня обыкновенная зеленая ветка важнее, чем все лозунги мира, вместе взятые... она непрерывно обновляется, а лозунги устаревают... И человек чем дальше будет уходить от своей природы, тем нужнее она ему будет, тем упорнее он будет ее искать».**

Роман **«Имя твое»** был написан одновременно с появлением повестей Валентина Распутина «Прощание с Матерой», романа Виктора Астафьева «Царь-рыба», т. е. тех произведений, которые выдвинули **деревенскую прозу** – в определенный момент – в центр внимания критики. Писатели-деревенщики предстали теперь не как летописцы-историки, а скорее как философы жизненного процесса, как гуманисты, озабоченные тем, чтобы вместе со старыми избами, с устаревшей утварью в зону сноса и забвения не попали и многие прекрасные трудовые и нравственные традиции.

На протяжении многих страниц романа **«Имя твое»** речь идет о покорении космоса, о создании советской атомной бомбы. Появляется фигура академика Лапина, соавтора Курчатова, в новой роли выступают и Брюханов, и Чубарев.

Собственно, Петр Проскурин изображает, не труд ученых-атомщиков, а особый, через научные лаборатории, путь приближения к тем же духовным первоосновам жизни народа. Если Захар улавливает голос **природы**, истории в шуме берез, Аленка ищет сближения с **природой** и ее «совестью» через купанья, то ученые в «Имени твоём» общаются, часто в сновидениях, в воображении своем, – прямо с творящей силой космоса, вечности. Величие успехов науки в романе как будто все время смущает самих творцов этих успехов, толкает их на «еретические» речи вроде речей Николая и на бегство к земле. Не в тупик ли ведут эти безграничные научные победы?

Петр Проскурин все время подчеркивает, что **научные открытия, в отличие от откровений леса, рек, полей, истории, агрессивны, непокорны, не «природны»**. И человеческая мысль все больше будет нуждаться в помощи самой же, казалось бы, «покоренной» природы. Ведь если конечный пункт намечаем мы, то путь к нему определяет Природа, постепенно отдаляя или приближая этот пункт, незаметно заменяя его новым.

Для Петра Лукича Проскурина **природный мир** является **гарантом нравственности**. Следование его законам не дает человеку «выщербиться» – отказаться от самого себя, предать собственные идеалы, помогает устоять перед соблазнами карьеры и материально обеспеченной жизни. Для раскрытия внутреннего мира духовно близкого автору героя у Проскурина сложился свой принцип повествования, своя манера письма. Наиболее убедительно, на наш взгляд, своеобразие проскуринского стиля можно показать на примере **повести «Полуденные сны»**.

Герой повести – талантливый ученый, «генератор идей», благодаря которым существует целая научная школа. Но **Вася**, так зовут главного героя, абсолютно

непрактичен в житейских вопросах, и этим его качеством умело пользуются другие, более предприимчивые и менее совестливые люди. Автор показывает, как еще в детстве формировались романтические наклонности мальчика, его непримиримость к предательству, равнодушию, жестокости. **Честность, совестливость стали серьезной помехой во взрослой жизни**, где господствуют рационализм, жажда личной выгоды.

Источником **нравственного здоровья** для героев **Проскурина** становится **«мир первородных вещей»**, в котором они черпают силы для дальнейшей жизни. Одной из составляющих этого мира является **природа**, живущая по своим – **«вечным»** и, следовательно, **нравственным** законам. Может быть, потому, что именно **природа** в наибольшей степени соответствует понятию «вечность», в ней заключен «глубинный, потаенный, ревниво скрываемый смысл». Проскурин любовно, художественно верно, обстоятельно рисует ее, находит удивительно емкие и поэтические способы ее изображения. В комнате, где лесник «ладил чай» с медом и брусникой, «уютно запахло перезрелым летом, «праздник полнейшей душевной свободы, раскованности и бесстрашия» может подарить человеку общение с природой; «долгий, пересыпчатый, оживленно-звонкий раскат грома», «грузная, клубящаяся впереди сединой туча» предупреждают о начале грозы. «Река билась в берега, словно стремясь прорваться куда-то в иной путь», «что-то величественное, первобытное присутствовало в медленно текущей ночи» - эти и множество других примеров объясняют, почему в «кипении московских, часто нарочитых страстей» все чаще и благодарнее вспоминается то **чувство «полнейшего растворения в неповторимой гармонии»**, которое может возникнуть у человека в лесу, на реке, при общении с представителями животного мира, такими, как верный пес Тимошка. Это общение благотворно воздействует на обе стороны: **Вася «постоянно присутствовал в мире Тимошки»**, а от Тимошки на человека шло какое-то особое – «здоровое, ровное тепло», которое успокаивало, расслабляло. Столкнувшись – и не один раз – с нравственными издержками мира людей, Вася признается, что в мире Тимошки «жизнь идет оправданно, целесообразно, без выкрутасов».

В «Полуденных снах» мир человеческий дан через восприятие его собакой, «добрым, легкомысленным и веселым существом». Обстоятельное, несуетное повествование, подробное описание деталей природной, животной, человеческой жизни создают **ощущение единства всех составляющих природного мира**. В мир воды и деревьев, чистого воздуха и уходящих в небо скал естественно вписываются и уединенный загородный дом, и

запущенный старый сад, и обитатели этого единого мира – Вася с Татьяной Романовной, Семеновна, дети – Олег, Даша, пес Тимошка, еж Мишка, ондатра Чапа. Не случайно и животные имеют свои имена – они не менее значимы в этом едином мире, пределы которого не ограничены временем и пространством. Чуть не погибнув в горах, Вася утвердился в мысли, что «там» точно существует **«кто-то вечный, неназываемый, кто все про нас знает»**, и этот «кто-то» в момент нахождения между жизнью и смертью «точно в душу заглянул, наизнанку вывернул», заставил убедиться в незыблемости **нравственных ценностей.**

Пес Тимошка – продолжение тех истинных детей природы, образы которых были созданы Толстым, Тургеневым, Куприным, Буниным. Проскурин наделяет одного из «братьев наших меньших» способностью мыслить и сопереживать человеку. В «хозяйстве» Тимошки все мудро и целесообразно, все происходящие в нем изменения он чутко ощущает и, в отличие от многих людей, чувствующих себя беспомощными под напором зла, способен активно ему противостоять. Именно Тимошка изгоняет из дома человека «с запахом опасности» – Полуянова, который собирался украсть научные разработки Васи.

«Час благодарения жизни» наступает только для тех, кто отринул от себя суетное, мелкое, сумел проникнуться пониманием величия жизни, **слиться с природой в одно целое, стать ее частью;** и не столь важно, кто это: талантливый ученый Вася или его любимый пес Тимошка. **Собаке дано чувствовать и понимать то, от чего сознательно отказался человек, и лишь единицы из людского племени, такие как Вася, способны вернуться в лоно естественной жизни.**

В повести **«Азь воздам, Господи»** Петр Проскурин вновь поднимает проблемы нравственности. Писатель отмечает, что сегодня в мире, где господствуют деньги, нет места доброте, милосердию и человечности. Все решает сила, а она у тех, кто имеет деньги. Твердая позиция автора такова: так быть не должно.

Осенний пейзаж, поздний вечер, ночь. В пейзаже предчувствие какой-то тревоги, беды. Он держит все время читателя в напряжении.

В начале повести перед нами Москва в пору поздней осени: **«Над Москвой, бессонной и беззащитной, пластались низкие осенние тучи, высыпая ледяные пронизывающие потоки».** Именно пейзаж помогает почувствовать состояние главного героя: **жизнь прожита, его книги когда-то были нужны**

читателям, он этим гордился. Тулубьев был уже достаточно стар... но еще достаточно здоров и ожесточен духом для окончательного смирения».

Как же происходит знакомство Тулубьева с другим героем, Сережей? Мальчик приходит к нему в гости. Отец Сережи очень богатый, преуспевающий человек. Он «делает деньги», может исполнить «любое самое фантастическое желание», но совсем не замечает сына. Мама тоже мало внимания уделяет ребенку, поэтому Сережа чувствует себя очень одиноким. «Да им все равно», – отзывается Сережа о родных. А тут страшная болезнь, которая еще больше угнетает ребенка. Он знает, что скоро умрет. Но появилась в доме книга писателя Тулубьева про **Рыжика** «Идущие следом». Этот **пес** занял воображение Сережи, мальчик порой ощущал присутствие собаки рядом с собой. **Рыжик** приходит к Сереже во сне. «Сел рядом, высунул язык и дышит. Потом лизнул ладонь и смотрит, я знаю, он сказать хотел: ничего не бойся!», – рассказывает Сережа. **Мальчику очень нужно, чтобы Рыжик вернулся.** «Я знаю, я скоро умру, а Рыжик все равно будет. С ним не страшно. Как же он мог пропасть? Тулубьев почти явственно ощутил на себе пытливый взгляд из неведомого потустороннего мира. А когда Сережа узнает, что обязательно будет продолжение книги, глаза у мальчика «брызнули ярким всплеском».

Тулубьев забыл обо всем, работал над своей рукописью про Рыжика. «Надо торопиться, надо успеть...» Для Сережи продолжение **книги явилось чудодейственным лекарством, которое спасает ребенка от смерти.** Тулубьев приходил к Сереже каждое утро и читал новую главу о Рыжике. **Жизнь Сережи была в руках старого писателя, считавшего своим долгом «вернуть этого, уже ступившего за земную черту, ребенка назад, в земной, понятный мир, и что может и обязан сделать это только он».** Когда по прогнозам врачей, профессоров, академиков Сережа должен был уже умереть, Тулубьев добрался до возвращения Рыжика домой. «Он (Тулубьев) знал, что придет момент и наступит перелом, почти кожей ощущал близость этого момента». И вот случилось чудо! Сережа пошел на поправку. Спустя два года мальчик совершенно окреп, он был очень привязан к писателю. Между ними установились крепкие, дружеские отношения, полные взаимопонимания, духовное родство. Как раз этого не мог больше терпеть господин Никитин, отец Серёжи. Он считал, что Тулубьев отнимает у него сына. Никитин забыл, кем этот человек стал для Сережи, упрекая писателя в том, что его книги делают из Сережи «слюнтяя». «Россия давно другая – теперь главное в России деньги. Это и сила, и власть, и жизнь». Слова же писателя, что «Россия – это, прежде

всего Бог. А все иное это уже не Россия», не находят понимания у Никитина. Он, требует, чтобы Тулубьев изменил место жительства и больше не виделся с Сережей. Тулубьев – очень мудрый и мужественный человек. Его нельзя было запугать, и Никитин это понимал: он убивает Тулубьева.

Человек рожден, чтобы творить добро, созидать, нести радость близким. Писатель Тулубьев делал добро своим творчеством, исцелял людей в прямом смысле этого слова.

Отмечая достоинства повести, нужно сказать и о **роли пейзажа**. Как природа чувствует и передает изменения в жизни? **Осенний пейзаж, поздний вечер, ночь. В пейзаже предчувствие какой-то тревоги, беды. Он держит все время нас в напряжении.**

В начале повести перед нами Москва в пору поздней осени: **«Над Москвой, бессонной и беззащитной, пластались низкие осенние тучи, высыпая ледяные пронизывающие потоки».** Пейзаж помогает почувствовать **состояние главного героя**: жизнь прожита, его книги когда-то были нужны читателям, он этим гордился. Когда Тулубьев начинает энергично работать, чтобы спасти Сережу, кажется, ночь отступает. И, выходя на балкон, Родион Афанасьевич угадывал в ночном небе **громаду храма Христа Спасителя. Этот храм в повести выступает как символ высокой чистоты и нравственности.**

И снова напряжение: болезнь Сережи усилилась **ночью**, и ночью мальчик видел черную тень смерти. Потом наступало **утро**, и приходило постепенно **чудесное выздоровление ребенка.**

В заключении повести **опять ночь**, но здесь на фоне ночи мы видим **белый снег** – жизнь Тулубьева будто налаживалась: выздоровел Сережа, улучшились отношения с дочерью, сам Родион Афанасьевич решает поехать погостить к знакомым. И вдруг «тяжелая пуля, вылетевшая из мрака, тупо ударила его в середину лба... время вспыхнуло, рассыпалось и погасло». Страшный финал! Круг замкнулся. Ночь. Тулубьев погиб, но он не был сломлен в своем бесконечном жизненном противостоянии.

Критики неоднократно отмечали, что в основе произведений Проскурина лежит слияние личного и надличностного, относительного, реально-бытового и абсолютного. Отчетливо эта особенность проявилась в лаконичных и в то же время **глубоко философских повестях писателя**, таких, как **«В старых ракетах»**, **«Полуденные сны»**, **«Ранние сумерки»**, **«Тихий, тихий звон»** и

других. Памяти умершей матери, сельской труженицы Прасковьи Яковлевны, посвящена повесть Проскурина **«В старых ракетах»**. Ситуация, воспроизведенная в ней, вполне типична. Общая тональность повести – мотив прощания не только с умершим самым близким человеком, но и с целым периодом жизни – детством, юностью, дорогими воспоминаниями. Сюжет перекликается с произведениями В. Распутина о деревне.

Повесть **«В старых ракетах»** – о том, как уходит человек, уходит навсегда из **земного радужного мира**. Уходит, чтобы остаться **везде – и высоко в небе, и на самом дальнем краю земли**. Это повесть о смерти. Но она и о жизни, о бесконечном, вечном беге времени, о непрерывном обновлении всего живого.

В повести **«В старых ракетах»** главный герой Василий, как и многие в подобных обстоятельствах, теряется в суете похорон. Долгой и нелегкой была для Василия последняя дорога его матери. Мы видим, как он неожиданно для самого себя словно бы начинает раскрываться. Теперь все обостреннее воспринимается Василием мир, окружающий его. И уже до конца раскрывается душа героя на старом сельском кладбище, у той невидимой черты, которая разделяет живых и умерших. **«Василию стало почему-то страшно, и он поднял глаза к вершинам ракет. Эти старые неприхотливые деревья были приятнее старых людей, в них жило что-то чистое и недосягаемое. И откровение обожгло душу Василия: пусть иногда жизнь убога и отталкивающая, но вот сейчас, здесь, на тихом клочке земли, в напряженно гудящих ракетах, на этом последнем прибежище человеческой жизни, все было объято покоем и чистотой, и это чувство выжгло все темное и ненужное в его душе и очистило ее»**.

Василий вначале не видел ракет, хотя смотрел на них, но постепенно их ветви заплескались в его глазах. За несколько часов дождя, солнца и теплого ветра мелкая россыпь почек на них увеличилась, стала заметнее, сами ветви отяжелели от пробудившейся и томившей их силы. Василий смотрел долго; теперь он понял, что и землю, и небо, и ракеты, и ветер, и его самого соединял какой-то один ток, один непрерывный согласный звук».

Последние страницы повести **буквально насыщены пейзажными зарисовками**, неоднократно в них возникает **образ старых ракет**. Старые ракеты становятся своего рода философским символом границы, разделяющей и в то же время соединяющей всё живущее с ушедшим в небытие: **«Сейчас, подойдя к ракетам с запрокинутыми в одну сторону по ветру голыми и гибкими верхними ветвями, Василий испытывал двоякое**

состояние: он уже устал и отяжелел от жизни, знал, что стоит на самой передовой линии, разделявшей все на жизнь и смерть, но в то же время, начиная различать певучий, непрерывный посвист ветра в ракитах, он невольно подобрался; что-то проглянуло и стало сильнее звучать из самого детства». И как кульминация данного размышления - очень точное и верное определение психологического состояния человека: «Это было выше и глубже страха; это был еще не осознанный, живущий и копившийся в десятках и сотнях поколений, бесконечно передающийся от отца к сыну трепет живой жизни перед тайной исчезновения, перед тайной конца. **Образ старых раки как некоего философского рубежа между повседневностью и вечностью раскрывает смысл названия повести.**

Не меньшей значимостью и глубиной обладает в произведении образ **«безжалостного и размашистого ветра как символа бессознательно; стихии, темных сил, живущих в природе и человеке».**

Последние строки произведения звучат патетически. Василий, уйдя от пожара во тьму, слышит в своём сознании голос матери, который сливается с дыханием земли. «И тогда он, вздрагивая от какого-то невидимого чувства открытия и прозрения, с трудом опустился на землю и услышал, как земля тяжело и жадно дышит, поглощая весеннюю влагу». В словах этих звучит надежда на возрождение героя, ощутившего своё глубинное родство с землей. Оптимистическое чувство вызывает у читателя **глубокое описание стремящихся навстречу весне и жизни старых раки**: «мелким торжествующим бисером проснувшихся почек были усыпаны самые тонкие и нежные ветви раки, и весенняя зелень была там ещё ярче; два-три тёплых дня – и ракиты были готовы бесшумно взорваться зелёным пламенем, выбросить невзрачные бледно-жёлтые серёжки, чтобы ещё (какой же раз под этим небом?) подтвердить незыблемость и радость жизни».

Творчество П.Л. Проскурина отличается цельностью, единством мотивов, глубиной содержания. Оно наполнено глубокими раздумьями о предназначении человека, о его ответственности за всё происходящее на земле.

Внутренняя экспрессия и выразительность в сочетании с богатством поэтических ассоциаций, сравнений и уподоблений – вот **слагаемые проскуринских образов природы**, выдержанных в мягких, пастельных тонах. Они – подобно голубому мартовскому снегу, вспыхивающему в солнечных лучах разнообразными огоньками и причудливыми красками, – навевают

воспоминания, будят мысль, тревожат душу. Художник пользуется сочными, но не яркими красками, скупыми, но выразительными характеристиками. Его ландшафту присущ эпический, углубленно **философский характер**: он как бы подчеркивает, что гармония между человеком и природой стирает противоречия между ними, равно как между скоротечностью индивидуальной жизни и вечностью мироздания. **Образы природы** Петра Проскурина **завораживают** своим неисчерпаемым многообразием тонов и полутонов, непрерывным движением и изменением, а мыслящий человек в ней всего лишь песчинка, гонимая ветром времени и терзаемая сомнениями. **Философия природы – это и есть философия жизни, осознанная как частица сущего.**

Список использованной литературы

1. Проскурин, Петр Лукич. Собрание сочинений: в 5 т. /П. Л. Проскурин. – М.: Современник, 1981. – 1983.
 Т.1. – 1981. – 527 с.– Содерж.: Корни обнажаются в бурю: роман; Тихий, тихий звон; Тайга: повести; Цена хлеба; Песчаный пляж; У привычных границ; Черта; Под яркими звездами: Северные рассказы.
 Т.2. – 1981. – 542 с. – Содерж.: Горькие травы: роман; Шестая ночь: повесть.
 Т.3. – 1982. – 542 с. – Содерж.: Исход: роман; Мост; Зеленый шум; Любовь человеческая; На окраине; Снова дома; В солнечный день; Ночные мелодии; Вечерняя заря; День смятения: рассказы.
 Т.4. – 1983. – 752 с. – Содерж.: Судьба: роман.
 Т.5. – 1983. – 783 с. – Содерж.: Имя твое: роман.
2. Проскурин, П.Л. Корни обнажаются в бурю / П. Л. Проскурин. – 4-е изд.- М.: Профиздат, 1977. – 368 с.
3. Проскурин, П.Л. Горькие травы: роман, повести / П. Л. Проскурин. – М.: Советский писатель, 1989. – 608 с.
4. Проскурин, П.Л. Избранное / П.Л. Проскурин - М.: ИТРК, 2004. – 576 с. – (Серия «Российская проза на рубеже XX - XXI вв.»).
5. Проскурин, П.Л. Полуденные сны: повести и рассказ / П. Л. Проскурин. – М.: Современник, 1985. – 607 с. – (Новинки «Современника»).
6. Проскурин, П.Л. Черные птицы: повести / П. Л. Проскурин. – М.: Сов. писатель, 1983. – 295 с.
7. Проскурин, П.Л. Тайга: повесть / П.Л. Проскурин. – М.: Современник, 1985. – 61 с.
8. Майданюк, П. Петр Проскурин и Тверской край / П.Л. Проскурин. – Тверь, 2011. – 104 с.
9. Майданюк, П. Жанр романа в творчестве П. Проскурина и В. Шукшина / П. Майданюк, П. Ольвовский. – Ташкент, 1988. – 68 с.
10. Проскуринские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции / Г.Г. Моцар. – Брянск: Брянск. обл. полиграф. объединение, 2013. – 32 с.
11. Чалмаев, В. Сотворение судьбы / В. Чалмаев. – М.: Сов. писатель, 1983. – 288 с.